

ДИСКУССИИ О СУБЪЕКТИВНОСТИ / ОБЪЕКТИВНОСТИ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ У КАНТА: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ

Л. Ю. Корнилаев¹

Пространство и время могут пониматься либо как самостоятельные сущности, либо как качества, присущие вещам, либо как качества, присущие субъекту. Кант, как известно, утверждает, что пространство и время имеют субъективный характер; их объективная реальность им исключается, что приводит к существенному разрыву между познающим субъектом и познаваемой реальностью. В исследованиях по кантовской философии подобный подход к определению онтологического и гносеологического статусов пространства и времени нередко подвергается критике. Предпринимаются попытки прояснения объективной стороны познания и проблематизируется исключительность субъективистского понимания пространства и времени, что приводит к интерпретациям, пытающимся реконструировать наряду с субъективностью объективный компонент в понимании пространства и времени в кантовской философии. Цель данной статьи — обобщить и систематизировать подходы, отстаивающие амбивалентное понимание пространства и времени у Канта. В ходе исследования выделены основные подходы к решению проблемы соотношения субъективности и объективности пространства и времени в философии Канта: 1) подход, утверждающий, что пространство и время в кантовской философии субъективны только в гносеологическом смысле, а в онтологическом смысле они объективно реальны; 2) позиция, истолковывающая субъективность и объективность пространства и времени в контексте кантовского различения трансцендентального идеализма и эмпирического реализма; 3) интерпретация, акцентирующая внимание на субъективности как объективной значимости; 4) субъективно-объективное понимание про-

¹ Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1. Поступила в редакцию: 25.04.2025 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2026-1-3

DISCUSSIONS ON SUBJECTIVITY / OBJECTIVITY OF SPACE AND TIME ACCORDING TO KANT: MAIN APPROACHES

L. Yu. Kornilaev¹

Space and time may be seen either as independent entities, as properties of things or as properties inherent in the subject. Kant, of course, maintains that space and time have a subjective character: he rules out their objective reality, which leads to a substantial separation of the cognising subject and the reality being cognised. This approach to the definition of the ontological and epistemological statuses of space and time is often criticised in the studies of Kantian philosophy. Attempts are made to clarify the objective side of cognition and the exclusiveness of the subjectivistic conception of space and time is problematised, leading to interpretations that try, along with subjectivity, to reconstruct the objective component in Kant's understanding of space and time. This article purports to summarise and systematise the approaches which stress the ambivalence of Kant's conception of space and time. The study identifies the following main approaches to the problem of the relation between subjectivity and objectivity of space and time in Kant's philosophy: 1) the approach which claims that space and time in Kant's philosophy are subjective only in the epistemological sense whereas ontologically they have objective reality; 2) the position which interprets subjectivity and objectivity of space and time in the context of the Kantian distinction between transcendental idealism and empirical realism; 3) the interpretation which stresses subjectivity as objective validity; 4) the subjective-objective understanding of space and time. I arrive at the conclusion that subjective-

¹ Lomonosov Moscow State University.
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia.
Received: 25.04.2025.
doi: 10.5922/0207-6918-2026-1-3

странства и времени. В заключение показано, что субъективно-объективные трактовки кантовского учения о пространстве и времени основаны главным образом на проблематизации понятия субъективности, что выражается в расширении или, наоборот, сужении понятия субъективности, его усложнении и иерархизации, установлении связи этого понятия с понятием эмпирической реальности и понятием общезначимости.

Ключевые слова: пространство, время, Кант, трансцендентальная эстетика, эмпирический реализм

Введение

Хорошо известны следующие фрагменты из кантовской трансцендентальной эстетики: «Пространство есть не что иное, как только форма всех явлений внешних чувств, т.е. субъективное условие чувственности, при котором единственно и возможны для нас внешние созерцания» (A 26 / B 42; Кант, 2006, с. 99); «время есть лишь субъективное условие нашего (человеческого) созерцания (которое всегда имеет чувственный характер, т.е. поскольку мы аффицированы предметами) и само по себе, вне субъекта, есть ничто» (A 35 / B 51; Кант, 2006, с. 111). Из этих утверждений следует, что пространство и время, понимаемые как априорные формы созерцания, имеют для Канта исключительно субъективный характер. Слова «только» и «лишь» указывают на эту исключительность². В объективности пространству и времени Кант отказывает, то есть как самостоятельные, независимые от субъекта сущности они не существуют.

Кажется, что цитируемые фрагменты должны устранить любые сомнения в субъективистском понимании пространства и времени у Канта и исключать объективистские трак-

² На исключительное слово «только» в формулировках Канта указывали, например, А. Тренделенбург (Тренделенбург, 1868, с. 149) и А. И. Введенский (Введенский, 1895б, с. 94).

objective interpretations of the Kantian doctrine of space and time are mainly based on the problematisation of the concept of subjectivity, which is manifested in the broadening or, on the contrary, the narrowing of the concept of subjectivity, making it more complex and hierarchical, establishing a link between this concept and the concept of empirical reality and the concept of general validity.

Keywords: space, time, Kant, transcendental aesthetics, empirical realism

Introduction

Quotes from Kant's "Transcendental Aesthetic" are well-known: "Space is nothing other than merely the form of all appearances of outer sense, i.e. the subjective condition of sensibility, under which alone outer intuition is possible for us" (KrV, A 26 / B 42; Kant, 1998, p. 159); "Time is [...] merely a subjective condition of our (human) intuition (which is always sensible, i.e. insofar as we are affected by objects), and in itself, outside the subject, is nothing" (KrV, A 35 / B 51; Kant, 1998, p. 164). What follows from these propositions is that for Kant space and time, understood as *a priori* forms of intuition, are entirely subjective. The words "nothing other" and "merely" point to this exclusivity.² Kant denies the objectivity of space and time, i.e. claims that they do not exist as entities independent from the subject.

The above-quoted fragments would seem to remove any doubts concerning Kant's subjectivist concept of time and space and to rule out objectivist interpretations. But studies of Kantian philosophy tend to problematise the subjectivity of space and time. Researchers

² The excluding word "merely" in Kant's formulation was pointed out, for example, by Friedrich Adolf Trendelenburg (1862, p. 162) and Alexey I. Vvedensky (1895b, p. 94).

товки. Однако в исследованиях по кантовской философии субъективность пространства и времени постоянно проблематизируется. Исследователи либо уточняют само понятие субъективности, либо ставят под сомнение категорическую позицию Канта об исключительно субъективном характере пространства и времени. Данные исследования мотивированы как попыткой прояснить кантовскую мысль, так и стремлением устранить разрыв между познанием, имеющим априорную основу, и объективной реальностью. В таких интерпретациях речь идет не столько о критике субъективизма Канта, сколько о попытках прояснения объективной стороны познания в его философии. В данной статье я попытаюсь систематизировать интерпретации трансцендентальной эстетики Канта, анализирующие соотношение субъективности и объективности пространства и времени³. Мое исследование не претендует на полный охват имеющейся литературы⁴ и ограничивается только структурой таких подходов с некоторыми отсылками к конкретным интерпретациям. Формулируемые в статье подходы оформлялись в ходе явной или неявной дискуссии между исследователями разных традиций.

Стоит оговориться, что в обзоре я не анализирую специально проблему объективности внешнего мира и вещей в себе, речь идет только о подходах, касающихся объективной стороны пространства и времени, поэтому большинство реалистических трактовок учения Канта останутся в стороне. В силу методологического разнообразия рассматривае-

either clarify the concept of subjectivity itself or question Kant's categorical assertion that space and time are exclusively subjective. These studies are motivated by the attempt to clarify Kant's thought and the wish to eliminate the gap between cognition, which has an *a priori* basis, and objective reality. These interpretations do not so much criticise Kant's subjectivism as attempt to clarify the objective side of cognition in his philosophy. In this article I will try to systematise the interpretations of Kant's transcendental aesthetic which examine the relation between subjectivity and objectivity of space and time.³ My study does not pretend to cover the entire body of the existing literature⁴ and is focused only on the structure of such approaches with some references to specific interpretations. The approaches formulated in the article are the results of an overt or implied discussion between researches belonging to different traditions.

It has to be noted that in my review I do not deal specifically with the problem objectivity of the external world and things in themselves but merely consider the approaches which have to do with the objective side of space and time, thus putting aside the majority of realistic interpretations of Kant's doctrine. Owing to the methodological diversity of the interpretations reviewed the concepts of subjectivity and objectivity will be examined not only in the general philosophical sense, but also with due regard for the characteristics of

³ Не только понятия «пространство» и «время», но и понятие объективности проблематизируется у Канта: «Кант говорит об объективной значимости понятий, суждений, синтезов, созерцаний, принципов или убеждений; и об объективной реальности познаний, представлений, восприятий, явлений, ноуменов, причин, принципов, идеалов и т.д.» (Kilinc, 2008, p. 363).

⁴ На «обилие публикаций» по трансцендентальной эстетике Канта указывает, например, М. Мартич (Martić, 2022, S. 19). Это обстоятельство неизбежно вынуждает исследователей к *выборочному* обзору имеющихся подходов.

³ Kant problematises not only the concepts of "space" and "time", but also the concept of objectivity: "Kant talks about the objective validity of concepts, judgments, syntheses, intuitions, principles or convictions; and about the objective reality of cognitions, representations, perceptions, appearances, noumena, causes, principles, ideals, etc." (Kilinc, 2008, p. 363).

⁴ The "profusion of publications" on Kant's transcendental aesthetic is noted, among others, by Marco Martić (2022, p. 19). Thus researchers perforce have to be *selective*.

мых интерпретаций понятия субъективности и объективности будут рассматриваться как в общепhilosophическом смысле, так и с учетом особенностей кантовской философии. Общепhilosophическое понимание предполагает разделение на субъективность как нечто присущее сознанию субъекта и объективность как нечто присущее независимому от субъекта внешнему миру. То, что условно можно назвать «кантианским дополнением», предполагает выделение субъективных и объективных слоев внутри общепhilosophического противопоставления объективности и субъективности.

Подходы, обсуждающие субъективно-объективную сущность пространства и времени в философии Канта, можно разделить на несколько групп.

Согласно *первому* подходу, пространство и время субъективны у Канта только в гносеологическом смысле, в онтологическом смысле они объективны. Примером такого подхода может считаться позиция Т. И. Ойзермана (Ойзерман, 2009). Он показывает, что Кант в разных работах отсылает к эмпирической реальности пространства и времени именно в онтологическом смысле.

Второй подход требует трактовать субъективность пространства и времени в контексте кантовского различения трансцендентального идеализма и эмпирического реализма и полагает, что эмпирический реализм пространства и времени указывает на наличие объективной стороны внутри познающего сознания (Heidemann, 2021; Schrader, 1951).

В рамках *третьего* подхода под субъективностью пространства и времени у Канта понимается их объективная значимость. В данном подходе понятие субъективности значительно расширяется, субъективность возводится в ранг предельной основы объективности. Такой подход представлен, например, в текстах Б. Тушлинга (Тушлинг, 2006), Р. Чаплина (Chaplin, 2022), К. Бринкмана (Brinkmann, 2011), Д. Н. Разеева (Разеев, 2010).

Согласно *четвертому* подходу, пространство и время не только субъективны, но и объ-

Kant's philosophy. The general philosophical approach attributes subjectivity to the subject and objectivity to the external world, independent from the subject. What may be called "Kantian addition" singles out subjective and objective layers within the general philosophical juxtaposition of objectivity and subjectivity.

The approaches discussing the subjective/objective essence of space and time in Kant's philosophy fall into several groups.

In the *first* approach space and time according to Kant are objective only in the epistemological sense while being objective in the ontological sense. An example of this approach is the position of Teodor I. Oizerman (2009) who shows that Kant in various works refers to the empirical reality of space and time precisely in the ontological sense.

The *second* approach looks at the subjectivity of space and time in the context of the Kantian distinction between transcendental idealism and empirical realism and holds that empirical realism of space and time points to the existence of an objective element within the cognising mind (Heidemann, 2021; Schrader, 1951).

The *third* approach equates the objectivity of time and space according to Kant to their objective validity. This significantly broadens the concept of subjectivity and elevates it to the rank of the ultimate foundation of objectivity. We find this approach, for example, in the texts of Burkhard Tuschling (2006), Rosalind Chaplin (2022), Klaus Brinkmann (2011) and Danil N. Razeev (2010).

In the *fourth* approach space and time are not only subjective, but also objective, which follows Kant's clarification of the concepts of space and time. Examples are the conceptions

ективны, что следует из самого кантовского разъяснения понятий пространства и времени. В качестве примеров такой позиции могут рассматриваться концепции А. Тренделенбурга (Тренделенбург, 1868) и А. И. Введенского (Введенский, 1895а; 1895б).

Как мы увидим далее, все перечисленные подходы, безусловно, пересекаются друг с другом, но акцентируют внимание на разных аспектах обсуждаемой проблемы.

1. Пространство и время субъективны, но только в гносеологическом смысле

Субъективистское понимание пространства и времени без усложняющих нюансов в понимании субъективности у Канта приводит к субъективно-идеалистической трактовке его философии. Радикальный поворот к субъекту, осуществленный немецким философом, вызывает ожидаемые трудности, связанные с обоснованием реальности внешнего мира и, в частности, пространства и времени в физическом смысле. Исключает ли Кант полностью объективную реальность пространства и времени? Несмотря на уже упомянутые субъективистские формулировки, исследователи обращают внимание на определенную амбивалентность значения пространства и времени у Канта. Так, например, Т. И. Ойзерман указывает на то, что у Канта пространство и время понимаются двояко: критически и эмпирически. Критическое понимание пространства и времени предполагает их субъективность «лишь постольку (и потому), поскольку они аподиктически всеобщны» (Ойзерман, 2009, с. 10). За критическим пониманием субъективности стоит гносеологическая всеобщность и объективность. Эмпирическое же понимание пространства и времени предполагает их эмпирическую реальность, когда «речь идет... о реальных условиях, в которых протекает человеческая жизнь, в которой прожитые людьми годы (и соответствен-

of Friedrich Adolf Trendelenburg (1868) and Alexey I. Vvedensky (1895a; 1895b).

As will be seen below, all these approaches crisscross with one another while stressing different aspects of the problem under discussion.

1. Space and Time Are Objective, but Only in the Epistemological Sense

The subjectivist interpretation of space and time without complicating nuances in Kant's understanding of subjectivity leads to a subjective-idealistic view of his philosophy. The German philosopher's swing toward the subject predictably creates difficulties connected with proving the reality of the external world, notably of space and time in the physical sense. Does Kant totally rule out the objective reality of space and time? Notwithstanding the subjectivist wording mentioned above, researchers point out a certain ambivalence in Kant's approach to space and time. For example, Oizerman (2009, p. 10) shows the duality of Kant's perception of space and time: critical and empirical. The critical approach to space and time assumes their subjectivity only insofar (and because) they are apodictically universal. The critical approach to subjectivity leans on the epistemological universality and objectivity. The empirical conception of space and time stems from "the real conditions in which humans live, the years lived (childhood, youth, maturity, old age) being not pure intuitions but an empirically registered fact (*ibid.*, p. 8). In Oizerman's view, Kant, in positing ontological subjectivity, "overcomes the one-sided sequence (or consequent one-sidedness) of "critical philosophy which all too often in its interpretation of nature and cognition comes close to idealism, which Kant resolutely rejected, like all dogmatic philosophy" (*ibid.*,

но, детство, юность, жизнь взрослого человека, старость) представляют собой не чистые созерцания, а вполне эмпирически фиксируемый факт» (Там же, с. 8). С точки зрения Ойзермана, Кант, предполагая онтологическую субъективность, «преодолевают одностороннюю последовательность (или последовательную односторонность) “критической философии”, которая сплошь и рядом в своей интерпретации природы и познания сближается с субъективным идеализмом, который решительно отвергался Кантом, как и всякая догматическая философия» (Там же, с. 16). Как натуралист, Кант не отрицает объективности пространства и времени, но отрицает ее как философ.

Ойзерман ссылается на «Метафизические начала естествознания», где Кант признает существование эмпирического пространства, не отказывая ему в трансцендентальной идеальности. Например:

Во всяком опыте нечто должно ощущаться, и это есть реальное [содержание] чувственного созерцания, следовательно, должно быть ощущаемо и пространство, в котором нам надлежит постигать движения на опыте; иными словами, пространство должно быть обозначено посредством того, что может быть предметом ощущения; такое пространство, как совокупность всех предметов опыта и как объект этого опыта, называется *эмпирическим пространством* (AA 04, S. 481; Кант, 1994, с. 264).

С точки зрения Ойзермана, «такого рода *амбивалентность* может быть охарактеризована как *противоречивая последовательность*, которая противопоставляет тезису антитезис, преодолевая тем самым односторонность гносеологических характеристик природы» (Ойзерман, 2009, с. 15). Благодаря двойственности понимания Кантом пространства и времени раскрывается субъект-объектная природа категорий, «которые как познавательные средства, изменяющиеся по мере развития познания, конечно, субъективны, но по своему содержанию,

p. 16). Kant does not deny the objectivity of time and space as a naturalist, but he denies it as a philosopher.

Oizerman cites the *Metaphysical Foundations of Natural Science* in which Kant admits the existence of empirical space while not denying its transcendental ideal character. For example,

In all experience something must be sensed, and that is the real of sensible intuition, and therefore the space, in which we are to arrange our experience of motion, must also be sensible — that is, it must be designated through what can be sensed — and this, as the totality of all objects of experience, and itself an object of experience, is called *empirical space* (MAN, AA 04, p. 481; Kant, 2004, p. 16).

Oizerman (2009, p. 15) argues that “such *ambivalence* can be described as *contradictory consistency* which opposes thesis with an antithesis, thus overcoming the one-sidedness of epistemological characteristics of nature”. The ambivalence of Kant’s conception of space and time reveals the subject-object nature of categories “which are of course subjective as cognitive tools changing as cognition develops, but in terms of their content they are, on the contrary, objective, i.e. they express that which is inherent in the objective reality that is independent from cognition (*ibid.*) The distinctive feature of this position is its ontological conviction of the reality of space and time.⁵ The distinction between epistemological and ontological optics helps to solve the problem of space and time being totally subjective.⁶

⁵ As distinct, for example, from Henry Allison’s “two-aspect theory” which discusses the objective side of a thing while space and time remain subjective. For more detail, see, e.g., Allison’s response to criticism of the theory (Allison, 1996, pp. 3-26).

⁶ Valery E. Semenov (2022, p. 30), analysing the Copernican turn accomplished by Kant, shows that it is a turn of thought only for ontological purposes because Kant in carrying out a Copernican revolution does not rule out that there may be something beyond it: “The

напротив, объективны, т.е. выражают то, что действительно присуще независимой от познания предметной реальности» (Там же). Особенностью данной позиции является онтологическая уверенность в физической реальности пространства и времени⁵. Разведение гносеологической и онтологической оптики позволяет разрешить проблему субъективной замкнутости пространства и времени⁶.

2. Пространство и время эмпирически реальны, то есть объективны как формы субъективности

С проблемой субъективности / объективности пространства и времени непосредственно связано кантовское различие позиций эмпирического реализма и трансцендентального идеализма, с одной стороны, и эмпирического идеализма и трансцендентального реализма — с другой. Введение этих позиций в «Критику чистого разума» связано с видоизменением в ней концепции идеальности пространства и времени, изложенной в диссертации 1770 г. (см.: Тушлинг, 2006, с. 525). Идеальность пространства распадается в первой «Критике» на трансцендентальную идеальность и эмпирическую реальность.

Кант указывает на двоякое понимание пространства и времени. Например, рассуждая о

⁵ В отличие, например, от «двухаспектной теории» Г. Эллисона, в которой обсуждается объективная сторона вещи, а пространство и время сохраняют субъективный характер. Подробнее см., например, ответ Эллисона на критику этой теории: (Allison, 1996, p. 3–26).

⁶ В. Е. Семенов, анализируя коперниканский поворот Канта, показывает, что он является поворотом мысли только в гносеологических целях, потому что Кант совершает коперниканскую революцию, но не исключает того, что есть что-то за ее пределами: «Коперниканская революция (с определенной точки зрения) представляет собою попытку соединить эмпиризм и рационализм, или, используя современную терминологию, — объединить эпистемологический реализм и конструктивизм при заметном доминировании последнего» (Семенов, 2022, с. 30).

2. Space and Time Are Empirically Real, i.e. Are Objective as Forms of Subjectivity

The problem of subjectivity/objectivity of space and time is directly linked with the Kantian distinction of empirical realism and transcendental idealism on the one hand, and empirical idealism and transcendental realism on the other. These concepts were introduced into the *Critique of Pure Reason* because it changed the concept of ideal space and time, set forth in the 1770 dissertation (cf. Tuschling, 2006, p. 525). In the first *Critique* ideality of space is split into transcendental ideality and empirical reality.

Kant points to the dual interpretation of space and time. Thus, reflecting on space he writes: “We therefore assert the empirical reality of space (with respect to all possible outer experience), though to be sure at the same time its transcendental ideality, i.e., that it is nothing as soon as we leave out the condition of the possibility of all experience, and take it as something that grounds the things in themselves” (*KrV*, A 28 / B 44; Kant, 1998, p. 160). Ditto about time:

Our assertions accordingly teach empirical reality of time, i.e., objective validity in regard to all objects that may ever be given to our senses. And since our intuition is always sensible, no object can ever be given to us in experience would not belong under the condition of time. But, on the contrary, we dispute claim of time to absolute reality, namely where it would attach to things absolutely as a condition or property even without regard to the form of our sensible intuition. Such properties, which pertain to things in themselves, can never be given to us

Copernican revolution (from a certain point of view) is an attempt to combine empiricism and rationalism or, to use modern terminology, marry up epistemological realism and constructivism with a noticeable tilt in favour of the latter.”

пространстве, Кант пишет: «...мы утверждаем эмпирическую реальность пространства (в отношении всякого возможного опыта), хотя признаем трансцендентальную идеальность его, т.е. что пространство есть ничто, как только мы отбрасываем условия возможности всякого опыта и принимаем его за нечто лежащее в основе вещей самих по себе» (А 28 / В 44; Кант, 2006, с. 101). Также о времени:

...наши утверждения показывают эмпирическую реальность времени, т.е. объективную значимость его для всех предметов, которые когда-либо могут быть даны нашим чувствам. А так как наше созерцание всегда чувственное, то в опыте нам никогда не может быть дан предмет, который не был бы подчинен условию времени. Наоборот, мы оспариваем у времени всякое притязание на абсолютную реальность, так как оно при этом было бы абсолютно присуще вещам как условие или свойство их даже независимо от формы нашего чувственного созерцания. Такие свойства, присущие вещам в себе, вообще никогда не могут быть даны нам посредством чувств. В этом, следовательно, состоит трансцендентальная идеальность времени, согласно которой оно, если отвлечься от субъективных условий чувственного созерцания, ровно ничего не означает и не может быть причислено к предметам самим по себе (безотносительно к нашему созерцанию) ни как субстанция, ни как свойство (А 35—36 / В 52; Кант, 2006, с. 111—113).

Более подробное различие четырех позиций — трансцендентальные идеализм и реализм, эмпирические идеализм и реализм — проводится в первом издании «Критики», в главе, посвященной четвертому паралогизму трансцендентальной психологии. Во втором издании нет этого фрагмента, но осталось в полном объеме прояснение эмпирической реальности и трансцендентальной идеальности пространства и времени⁷.

⁷ Об эмпирической реальности и трансцендентальной идеальности пространства и времени у Канта см. также: (Melnick, 1989; Schrader, 1951).

through the senses. In this therefore consists transcendental ideality of time, according to which it is nothing at all if one abstracts from the subjective conditions of sensible intuition, and cannot be counted as either subsisting or inhering in the objects in themselves (without their relation to our intuition) (KrV, A 35-36 / B 52; Kant, 1998, p. 164).

A more detailed differentiation of the four positions — transcendental idealism and realism, empirical idealism and realism — is found in the first edition of the *Critique* in the chapter devoted to the fourth paralogism of transcendental psychology. The second edition omits that fragment, but the clarification of empirical reality and the transcendental ideality of space and time is retained in full.⁷

Space and time are empirically real, but what does empirical reality refer to? With Kant, empirical reality does not coincide with objective physical reality. Empirical reality precedes experience *a priori*. Empirical reality is linked with transcendental ideality. Transcendental ideality means subjectivity and empirical reality means objectivity, but not of space and time as substances, but as forms of inherent in subjectivity. From that point of view space and time are nothing without subjectivity. They are ideal with regard to things in the world but real with regard to subjectivity. *A priori* structures do exist, but they inhere not in the world but in consciousness, i.e. forms of intuition are parts of the objective world. Dietmar Heidemann holds the view that the combination of transcendental idealism and empirical realism makes it possible to avoid sceptical conclusions concerning the existence of the outer world. Transcendental idealism considers the objects

⁷ On empirical reality and transcendental ideality of space and time according to Kant see also Melnick (1989) and Schrader (1951).

Пространство и время эмпирически реальны, но что понимается под эмпирической реальностью? У Канта эмпирическая реальность не совпадает с объективной физической реальностью. Эмпирическая реальность — это априорность по отношению к опыту. Эмпирическая реальность взаимосвязана с трансцендентальной идеальностью. Трансцендентальная идеальность означает субъективность, а эмпирическая реальность — объективность, но пространства и времени не как субстанций, а как форм, присущих субъективности. С этой точки зрения пространство и время без субъективности — ничто. Они идеальны по отношению к вещам мира, но реальны по отношению к субъективности. Априорные структуры реально существуют, но присущи не миру, а сознанию, то есть формы созерцания — части объективного мира. Д. Хайдеман считает, что совмещение трансцендентального идеализма и эмпирического реализма позволяет избежать скептических выводов по поводу существования внешнего мира. Трансцендентальный идеализм полагает, что объекты, представляемые в пространстве и времени, — явления, а не вещи сами по себе. Эмпирический реализм говорит, что представленные объекты в пространстве и времени — это реальные сущности вне нас. «В то время как трансцендентальный идеализм указывает на способы, которыми мы представляем объекты, то есть на трансцендентальные условия нашего познания последних, эмпирический реализм разъясняет, что объекты, хотя и познаваемые только при этих условиях, существуют независимо от нас в пространстве и времени» (Heidemann, 2021, p. 3232)⁸. Таким

⁸ Хайдеман показывает, что понятийные различия, введенные Кантом, стали основой для современных дискуссий о реализме. Кант не только изобрел современное значение термина «реализм», но также создал теоретическую топографию форм реализма, которая до сих пор оформляет понимание философских вопросов, касающихся внешней реальности (Heidemann, 2021). Разнообразие форм реализма становится возможным после кантовского совмещения идеализма и реализма, которые представляются обычно как противостоящие позиции.

represented in space and time to be phenomena and not things in themselves. Empirical realism says that objects represented in space and time are real entities outside us. “Whereas transcendental idealism lays out the way we represent objects, i.e., the transcendental conditions of our cognition of them, empirical realism expounds that objects, although cognisable only under these conditions, exist independently of us in space and time” (Heidemann, 2021, p. 3232).⁸ Thus the differentiation of transcendental idealism and empirical realism can be seen as a complication of the concept of subjectivity. Subjectivity turns out to be the bearer of inherent realism of subjects,⁹ and space and time its necessary real forms.

3. Space and Time Are Subjective, but Their Validity Is Objective

Some scholars focus attention on objective validity which Kant held to be a characteristic of space and time. Speaking about time, Kant says that “It is only of objective validity in regard to appearances, because these are already things that we take as objects of our senses; but it is no longer objective if one abstracts from the sensibility of our intuition, thus from that kind of representation that is

⁸ Heidemann shows that conceptual distinctions introduced by Kant provided the basis of modern discussions about realism. Kant did not merely invest the term realism with new meaning, but also created a theoretical topography of the forms of realism which to this day frames the understanding of philosophical issues with regard to external reality (Heidemann, 2021). The diversity of forms of realism became possible only after Kant combined idealism and realism, which are usually seen as opposites.

⁹ The Kantian version of realism is the subject of studies by Paul Abela (2002), Lucy Allais (2015), Kenneth R. Westphal (2004) and others. An article by Abela (1996) compares Kant’s empirical realism and the inner realism of Hilary Putnam.

образом, различие трансцендентального идеализма и эмпирического реализма может пониматься как усложнение понятия субъективности. Субъективность оказывается носителем внутреннего, присущего субъектам реализма⁹, а пространство и время — его необходимыми реальными формами.

3. Пространство и время субъективны, а их значимость объективна

Ряд исследователей акцентирует внимание на такой характеристике пространства и времени у Канта, как объективная значимость. Так, говоря о времени, Кант утверждает, что «оно имеет объективную значимость только в отношении явлений, потому что именно явления суть вещи, которые мы принимаем за *предметы наших чувств*, но оно уже не объективно, если отвлечься от чувственной природы нашего созерцания, т.е. от свойственного нам способа представления, и говорить о *вещах вообще*» (А 34—35 / В 51; Кант, 2006, с. 111). Время имеет объективную значимость в отношении явлений. В отношении вещей вне чувственного созерцания — оно ничто. Таким образом, субъективные формы пространства и времени обладают объективной значимостью.

Можно заметить, что Кант понимает субъективность пространства и времени особым образом. Субъективность в обыденном понимании предполагает, что пространство и время уникальны у каждого конкретного субъекта, каждый индивидуальный субъект создает пространство и время. Но Кант под субъективностью пространства и времени понимает субъективность, превосходящую всех конкретных субъектов, это нечто надындивидуальное и транссубъективное. Субъективное, понима-

peculiar to us, and speaks of things in general” (KrV, A 34-35 / B 51; Kant, 1998, p. 164). Time has objective validity with regard to phenomena. It is nothing with regard to things outside sensible intuition. Thus, subjective forms of space and time have objective validity.

It will readily be seen that Kant has a peculiar view on subjectivity of space and time. Subjectivity commonly assumes that space and time are unique for each concrete individual, each individual subject creating space and time. But Kant sees subjectivity of space and time as subjectivity that is above all the concrete subjects, as something supra-individual and trans-subjective. Understood in this way, the subjective morphs into the objective while not becoming objective in the sense of objective reality and acquires objective validity. For example, Danil Razeev (2010, pp. 188-189) says that Kant, “thanks to his ‘revolution in the mode of thinking’, comes to the conclusion that *the objective* is none other than the *transformed subjective*. In other words, the objective can be understood not as something fundamentally juxtaposed to the subjective, but as a special product of the subjective.” Subjectivity becomes the bearer of objective validity”,¹⁰ “the source of objectivity within the immanence of experience, because it provides a universal and normative interpretive framework from within itself” (Brinkmann, 2011, p. 39). The underlying basis of objectivity does not need to be certified by any concrete subject or community of subjects. Objectivity flows from the universal quality of the thinking I. “The inherently synthetic unity of apperception is the foundation of any objectivity”¹¹ (Tuschling,

⁹ Кантовскому варианту реализма посвящены исследования П. Абелы (Abela, 2002), Л. Эллаис (Allais, 2015), К. Вестфала (Westphal, 2004) и др. Сравнению эмпирического реализма Канта и внутреннего реализма Х. Патнэма посвящена статья Абелы (Abela, 1996).

¹⁰ Obviously, this interpretation of subjectivity became the prerequisite of the future philosophy of H. Lotze and the Baden school of Neo-Kantianism.

¹¹ Cf. “[...] *die ursprünglich-synthetische Einheit der Apperzeption* [ist] Grund aller Objektivität [...]”.

емое таким образом, переходит уже в область объективного, но не становится объективным в смысле объективной реальности, а начинает обладать объективной значимостью. Так, например, Д. Н. Разеев указывает, что «Кант, благодаря осуществленной им “революции в способе мышления”, приходит к выводу, что *объективное* есть не что иное, как *трансформированное субъективное*. Иными словами, объективное может пониматься не в качестве чего-то принципиально противостоящего субъективному, а в качестве его (субъективного) особого продукта» (Разеев, 2010, с. 188–189). Субъективность становится носителем объективной значимости¹⁰, «источником объективности в имманентности опыта, поскольку она обеспечивает универсальную и нормативную интерпретационную рамку изнутри себя самой» (Brinkmann, 2011, p. 39). Фундаментальная основа объективности не нуждается в удостоверении каким-либо конкретным субъектом или сообществом субъектов. Объективность вытекает из универсального качества субъекта как мыслящего Я. «Изначально-синтетическое единство апперцепции есть основание всякой объективности» (Тушлинг, 2006, с. 543). Объективная значимость понимается только в формальном отношении: «То, что метафизика до Канта — также и в формальном отношении — относилась к объекту, он поистине отвоевывает у объективного и переносит в область субъективного. Ведь весь смысл трансцендентального аргумента, в конечном счете, сводится к тому, что в процессе познания мы постигаем не столько чуждое нам объективное, сколько знакомое нам субъективное» (Разеев, 2010, с. 189)¹¹.

¹⁰ Очевидно, что именно такая интерпретация субъективности стала предпосылкой будущей философии значимости Г. Лотце и Баденской школы неокантианства.

¹¹ Схожей позиции придерживался также В. Ф. Асмус: «Разъяснение Канта состоит в предложении отличать эмпирическую реальность времени от его трансцендентальной идеальности. Эмпирически время реально. Это значит, что оно сохраняет свою объективную значимость для всех предметов, которые когда-либо могут быть даны нашим чувствам» (Асмус, 1973, с. 191).

2006, p. 543). Objective validity is understood only in the formal sense: “What pre-Kantian metaphysics — including in a formal sense — attributed to the object, he truly reclaims from the objective and transfers to the domain of the subjective. For the whole point of the transcendental argument boils down to the fact that in the process of cognition we learn not so much the objective that is alien to us as the subjective we are familiar with” (Razeev, 2010, pp. 188-189).¹²

Objectivity can be interpreted not so much as independence from the subject as from the subject’s will. This is the position of Victor P. Lega (2009, pp. 142-143):

The conventional view is that what exists outside consciousness is objective and what exists in and depends on consciousness is subjective. Hence the identification of the objective with the material and sensible. In reality, according to the definition, the objective is that which does not depend on man’s will and the subjective is that which does depend on his will. Therefore, according to Kant, *a priori* forms of sensibility, such as space and time, exist both subjectively and objectively.

Brinkmann notes that subjectivity in Kant’s philosophy should be seen in two ways because the bearer of subjectivity in Kant’s philosophy may be, on the one hand, the universal transcendental subject and, on the other hand, an empirical subject. The empirical subject has many constraints and is prone to err, but objectivity is possible thanks to the universal level of subjectivity. Thus, this approach to interpreting space and time concentrates on their objective formality. In that respect space

¹² A similar view was expressed by Valentin F. Asmus (1973, p. 191): “Kant’s clarification consists in the proposal to distinguish the empirical reality of time from its transcendental ideality. Empirically, time is real. This means that it retains its objective validity for all the objects which may ever be given our senses.”

Объективность может трактоваться как независимость не столько от субъекта, сколько от воли субъекта. Подобная позиция встречается, например, у В. П. Леги:

Согласно обыденному мнению, объективным считается то, что существует вне сознания, а субъективным — то, что существует в сознании и зависит от него. Отсюда отождествление объективного с материально-чувственным. В действительности же, согласно определению, объективным является то, что не зависит от воли человека, а субъективно то, что от его воли зависит. Поэтому, по Канту, априорные формы чувственности, такие как пространство и время, существуют как субъективно, так и объективно... (Лега, 2009, с. 142–143).

К. Бринкман указывает на то, что субъективность в философии Канта нужно рассматривать двояко, поскольку носителем субъективности может быть, с одной стороны универсальный трансцендентальный субъект, с другой — эмпирический субъект. Эмпирический субъект сильно ограничен и склонен к ошибкам, но объективность при этом возможна благодаря универсальному уровню субъективности. Таким образом, данный подход к трактовке пространства и времени концентрируется на их объективной формальности. В этом отношении пространство и время как универсальные априорные структуры являются объективными, так как становятся носителями универсальной объективной значимости, независимой от конкретных субъектов.

4. Пространство и время не могут быть исключительно субъективными

Отдельного внимания заслуживает подход, который оформляется, например, в философии Адольфа Тренделенбурга. Комментируя трансцендентальную эстетику Канта, Тренделенбург настаивает на ошибочности

and time as universal *a priori* structures are objective because they become the bearers of universal objective validity independent from concrete subjects.

4. Space and Time Cannot Be Only Subjective

The approach represented, for example, by Trendelenburg merits special attention. Commenting on Kant's transcendental aesthetic, Trendelenburg argues that it is a mistake to totally exclude the objective side from sensual cognition. For Kant, experience is ordered because there are *a priori* forms of sensibility. But for Trendelenburg this is just one of the reasons. The order in the phenomenal world may be due to the orderliness of the world itself. Sensibility can capture something ordered in the world itself. In *Logical Investigations* Trendelenburg argues that recognising the subjectivity of space and time, it would be a mistake to rule out the "participation" of things in themselves in these forms of intuition.¹³ Not only subjectivity must be prepared for the representation of the thing in space and time, but the thing itself should contain the conditions of such spatio-temporal representation. This is a possible conclusion if Kant's reflections are carried through to the end: "We are not presenting here what Kant wanted, but stating what turns out to be actually contrary to his will"¹⁴ (Trendelenburg, 1862, p. 159). While Kant shows the subjectivity of space and time by invoking the apodictic authenticity of science, Trendelenburg notes that a scientific fact cannot be proved only through subjectivity. Scientific veracity shows

¹³ This is the theme of yet another of Trendelenburg's work, "On the Gap in Kant's proof of Exclusive Subjectivity of Space and Time" (Trendelenburg, 1867). For more on Trendelenburg's position in his dispute with Kuno Fischer on space and time see Demin (2010).

¹⁴ Cf. "Wir stellen nicht dar, was Kant wollte, sondern wir sagen, was sich auch gegen seinen Willen ergibt."

абсолютного исключения объективной стороны в чувственном познании. Для Кант причина упорядоченности опыта состоит в том, что есть априорные формы чувственности. Но, с точки зрения Тренделенбурга, это только одна из причин. Причина упорядоченности мира в явлении может состоять и в упорядоченности самого мира. Чувственность в состоянии ухватить нечто упорядоченное в самом мире. В «Логических исследованиях» Тренделенбург утверждает, что, признавая субъективность пространства и времени, ошибочно исключать «участие» вещей самих по себе в этих формах созерцания¹². Не только субъективность должна быть подготовлена к представлению вещи в пространстве и времени, но и сама вещь должна содержать в себе условия для такого пространственно-временного представления. Подобный вывод возможен, если довести размышления Канта до конца: «Мы излагаем здесь не то, чего именно Кант хотел, а то, что выходит из его оснований даже и против его воли» (Тренделенбург, 1868, с. 145). Если Кант через отсылку к аподиктической достоверности науки показывает субъективность пространства и времени, то Тренделенбург замечает, что факт науки не может быть доказан только через субъективность. Научная достоверность указывает на выход за пределы субъективности.

Будь пространство и время исключительно лишь формами субъективного духа, тогда математика смогла бы постичь только то, что дается в явлениях нашей собственной познавательностью, а другую половину явления поневоле оставляла бы нетронутой; в таком случае была бы невозможна прикладная математика, которая потому лишь уразумевает и покоряет себе явление, что умеет схватить

¹² Данной теме посвящена еще одна работа А. Тренделенбурга — «О бреши в кантовском доказательстве исключительной субъективности пространства и времени» (Trendelenburg, 1867). Подробнее о позиции А. Тренделенбурга и его споре с К. Фишером по вопросу о пространстве и времени см.: (Дёмин, 2010).

the way beyond subjectivity.

Were space and time exclusively forms of the subjective spirit then mathematics would be able to understand only what is given in appearances, leaving the other half untouched; in that case applied mathematics would be impossible, but it can comprehend and conquer the phenomenon because it can capture both elements in it. In becoming phenomena things submit to the laws of time and space; and if they obey these forms then this is possible owing to the nature of things. It is inconceivable that they could form a common source with the forms of space and time unless they were in some way involved in these forms themselves¹⁵ (Trendelenburg, 1862, p. 161).

Trendelenburg criticises the position which interprets space and time as exclusively subjective forms of cognition. If space and time are subjective it does not in any way rule out their objectivity. "They are both something subjective. But what prevents them from being also something objective? Is it not because they are just as necessary for the spirit as they are for other objects?"¹⁶ (Trendelenburg, 1862, p. 162). Thus space and time can be not only subjective but also objective forms of cognition.

According to Trendelenburg, the only source of the objectivity of space and time is motion.

¹⁵ Cf. "Wären nun Raum und Zeit nur Formen des subjektiven Geistes, so könnte die Mathematik nur das erfassen, was an den Erscheinungen unser eigenes Erkenntnisvermögen aus sich hergibt, aber die andere Hälfte der Erscheinung müsste sie unberührt lassen; es wäre also angewandte Mathematik, welche doch nur dadurch die Erscheinung begreifen und zum Gehorsam bestimmen könnte, dass sie in ihr beide Elemente erfasste, unmöglich. Indem die Dinge zu Erscheinungen werden, folgen sie den Gesetzen von Raum und Zeit, und indem sie sich in Raum und Zeit fassen lassen, muss dies ihrer eigenen Natur nach möglich sein. Es wäre nicht denkbar, dass sie mit den Formen von Raum und Zeit eine Gemeinschaft eingehen, wenn sie nicht selbst in irgend einer Weise an Raum und Zeit Theil hätten."

¹⁶ Cf. "Sie sind beide etwas Subjektives. Was verhindert sie aber zugleich etwas Objektives zu sein? Sind sie vielleicht nicht gerade darum für den Geist nothwendig, weil sie es für die Dinge sind?"

в нем оба элемента. Становясь явлениями, вещи подчиняются законам времени и пространства; и если они послушны этим формам, значит — так возможно по собственной природе вещей. Немыслимо, чтобы они входили в сделку с формами пространства и времени, не участвуя они как-нибудь сами в этих формах (Там же, с. 148; пер. уточнен. — Л.К.).

Тренделенбург критикует позицию, трактующую пространство и время как исключительно субъективные формы познания. Если пространство и время субъективны, то это никак не исключает их объективности. «Оба они нечто субъективное. Но что мешает им быть вместе и чем-то объективным? Не потому ли именно необходимы они для духа, что необходимы также и для вещей?» (Там же, с. 149). Таким образом, пространство и время могут быть не только субъективными, но и объективными формами познания.

Единым источником объективности пространства и времени, согласно Тренделенбургу, является движение.

Насколько вещи произошли из движения, настолько они несут с собой пространство как свойственный, прирожденный им удел. Время не перебрасывается в вещи из внутреннего состояния души; насколько они движутся, настолько в них есть и время, да притом еще как собственный их акт. <...> Если движение так же изначально принадлежит мысли, как и бытию, и если из движения прежде всего рождается пространство и время, то в этом и лежит то согласие субъективного с объективным, которое порушил было Кант (Там же, с. 155–156).

Схожая позиция представлена в статье Алексея Ивановича Введенского «Учение Канта о пространстве» (Введенский, 1895а; 1895б)¹³. Русский философ также указывает на необоснованность исключения в трансценденталь-

¹³ Алексея Введенского (1861–1913) не следует путать с известным русским кантианцем Александром Ивановичем Введенским (1856–1925). Подробнее см.: (Введенский, Рожин, 2024, с. 154).

As much as things have originated from motion, so they carry with them the space as their inherent, inborn element. Time is not cast into things from the inner state of the soul; to the extent that they move they have time within them, and they have it as their own act [...]. If motion inheres in thought, like in being, and if it is above all motion that generates space and time, herein lies the concord between the subjective and the objective which Kant destroyed¹⁷ (*ibid.*, p. 168).

A similar position is presented in the article “Kant’s Teaching on Space” by Aleksey Vvedensky (1895a; 1895b).¹⁸ The Russian philosopher, too, objects to the exclusion from transcendental aesthetic of objectivity as a property of space. He thinks Kant in the second edition of the *Critique of Pure Reason* hierarchises subjectivity¹⁹ into two tiers: one in the broad and the other in the narrow sense. Subjectivity in the broad sense includes all the simple senses, space being one of them, from the beginning. Subsequently Kant isolates within subjectivity in the broad sense subjectivity in the narrow sense in which space, unlike changeability of individual sensations,

¹⁷ Cf. “So weit die Dinge aus Bewegung entstanden sind, tragen sie den Raum wie ein eigenthümliches Erbtheil an sich. Die Zeit wird nicht aus dem inneren Zustand der Seele in die Dinge hinein geworfen; sondern inwiefern sich diese bewegen, ist die Zeit darin und ihre eigene That [...]. Wenn die Bewegung ebenso ursprünglich dem Denken, als dem Sein angehört, und wenn aus der Bewegung Raum und Zeit zunächst erzeugt werden: so liegt darin jene Harmonie des Subjektiven und Objektiven, die von Kant gewaltsam zerrissen wurde.”

¹⁸ Alexey Vvedensky (1861–1913) is not to be confused with the prominent Russian Neo-Kantian Aleksandr Vvedensky (1856–1925). For more detail see Vvedensky and Rozhin (2024, p. 154).

¹⁹ Subjectivity with Kant can also be problematised chronologically. For example, M. Martić notes that Kant does not always view subjective space and time as *a priori* forms of sensibility. In various periods he interpreted them as concepts and ideas. For more detail see Martić (2022).

ной эстетике объективности как характеристики пространства. С точки зрения Введенского, Кант во втором издании «Критики чистого разума» иерархизирует субъективность¹⁴, она получает у него два значения — в широком и в узком смысле. Субъективность в широком смысле включает в себя все простые чувственные ощущения, и пространство изначально было одним из этих ощущений. Впоследствии Кант внутри субъективности в широком смысле выделяет субъективность в узком смысле, где пространство в отличие от изменчивости индивидуальных ощущений наделяется общезначимостью¹⁵. Общезначимость же, считает Введенский, указывает в большей степени на объективность, чем на субъективность. «Пространство, таким образом, занимает исключительное место: оно вместе и субъективно, и объективно (“субъективно-объективно”). В сравнении с ним субъективность ощущений есть, так сказать, субъективность второй степени. Итак, в конце концов, *пространство, по Канту, все же субъективно, хотя и не в такой степени, как ощущения*» (Введенский, 1895б, с. 99).

Подход Тренделенбурга и Введенского можно условно объединить. Они настаивают на субъективно-объективном понимании про-

¹⁴ Проблематизация субъективности у Канта может проводиться и в хронологическом отношении. Так, например, М. Мартич показывает, что субъективные пространство и время у Канта не всегда понимались как априорные формы чувственности. В разные периоды творчества немецкого философа они могли трактоваться как понятия и идеи. Подробнее см.: (Martić, 2022).

¹⁵ Введенский иллюстрирует смещения в понимании субъективности, обращаясь к комментариям Ханса Файхингера, который соотносит кантовское учение о пространстве и времени с учением Локка о первичных и вторичных качествах: «Согласно Локку, чувственные качества и эмпирические объекты соотносятся как явление и вещь в себе. Так же или подобным образом соотносятся, по Канту, вещи в пространстве с истинными вещами, которые не находятся в пространстве. Следовательно, у Канта не было достаточного основания отвергать это сравнение с таким пафосом. Если бы он добавил необходимые оговорки, то мог бы спокойно воспользоваться этим сравнением» (Vaihinger, 1922, S. 364—365).

is invested with general validity.²⁰ General validity, Vvedensky believes, points rather toward objectivity than to subjectivity. “Thus space occupies an exclusive place: it is at once subjective and objective (‘subjective-objective’). By comparison, the subjectivity of sensations is, as it were, second-rank subjectivity. At the end of the day *space, according to Kant, is subjective, albeit not to the same degree as sensations*” (Vvedensky, 1895b, p. 99).

The approaches of Trendelenburg and Vvedensky are similar in that both insist that Kant’s understanding of space and time is subjective-objective. By criticising the position that space and time are exclusively subjective Trendelenburg and Vvedensky reveal the need for their objectivity.

Conclusion

Amid the infinite diversity of comments and interpretations of Kant’s transcendental aesthetic one can find some studies which question the common interpretation of space and time as exclusively subjective forms of intuition. These doubts have been prompted by the obvious gap between the subjective

²⁰ Vvedensky illustrates shifts in the interpretation of subjectivity by turning to the comments made by Hans Vaihinger. Vaihinger (1922, pp. 364-365) compares Kant’s doctrine of space and time with Locke’s doctrine of primary and secondary properties: “According to Locke sensible properties and empirical objects relate as appearance and things in themselves. According to Kant, sensible properties and empirical things in space relate to real things that are not in space in the same or similar way. So, Kant did not have sufficient grounds to reject this comparison so vehemently. He could well have used this comparison if he had made the necessary reservations” (cf. “*Nach Locke verhalten sich Sinnesqualitäten und empirische Objecte wie Erscheinung und Ding an sich. So oder ähnlich verhalten sich nach Kant die ganzen Dinge im Raume zu den wahren Dingen, die nicht im Raume sind. Kant hatte demnach keinen rechten Grund, jenen Vergleich mit solcher Emphase zurückzuweisen. Wenn er die nöthigen Cautelen hinzufügte, konnte er ruhig sich jenes Vergleiches bedienen*”).

странства и времени у Канта. Критикуя позицию, предполагающую исключительную субъективность пространства и времени, Тренделенбург и Введенский вскрывают необходимость их объективности.

Заключение

Среди бесчисленного многообразия комментариев и интерпретаций трансцендентальной эстетики Канта можно выделить ряд исследований, ставящих под сомнение расхожее толкование пространства и времени как исключительно субъективных форм созерцания. Сомнения вызваны очевидным разрывом между субъективными условиями опыта и объективной реальностью, а также контринтуитивностью субъективистского понимания пространства и времени в целом. Разрыв становится возможным снять, как мы видели, либо через критику учения Канта, либо через трансформацию, либо через прояснение его учения. Действительно ли пространство и время у Канта только субъективны?

Рассмотренные в статье подходы, несмотря на их хронологическую и методологическую разнородность, объединяет отрицательный ответ на этот вопрос. Причем отрицательный ответ подкрепляется не столько критикой или требованием изменить философию Канта, сколько попытками ее прояснить. Все позиции объединяет стремление либо расширить, либо сузить понимание субъективности пространства и времени у Канта с целью выявления их объективности: субъективность, ограниченная гносеологическим контекстом, позволяет говорить о субстанциальном понимании пространства и времени; субъективность, понимаемая как априорность, позволяет выделить объективную сторону в структуре самой субъективности; понятие общезначимости форм пространства и времени выводит их за пределы субъективности; акцент на объективности пространства и времени не противоречит их субъективистской трактовке. Субъективно-объек-

conditions of experience and objective reality, as well as by the counterintuitive subjectivist understanding of space and time in general. The gap can be removed, as we have seen, either through criticising Kant's teaching or through a transformation, or through clarification of his teaching. Did Kant really consider space and time to be totally subjective?

The approaches examined in this article, for all their chronological and methodological differences, all give a negative answer to this question. The negative answer is buttressed not so much by critique or the demand for changing Kant's philosophy as by attempts to clarify it. All the positions have in common the intention to broaden or to narrow Kant's conception of space and time in order to reveal their objectivity: subjectivity limited by the epistemological context speaks for substantial interpretation of space and time; subjectivity understood as *a priori* makes it possible to reveal an objective side in the structure of subjectivity: the concept of general validity of the forms of space and time takes them beyond the limits of subjectivity; emphasis on the objectivity of space and time does not contradict their subjectivistic interpretation. Subjective-objective interpretations of the Kantian teaching on space and time can be systematised in accordance with their underlying principles: problematisation of the concept of subjectivity, manifested in the broadening or, on the contrary, narrowing of the concept of subjectivity, its complication and hierarchisation; particular attention to the specific understanding of empirical reality; a special role of validity.

Study of these approaches may become an organic part of research into the history of realistic philosophical systems "in the Kantian spirit" which try to combine the cognitive restrictions of critical philosophy and access

тивные интерпретации кантовского учения о пространстве и времени могут быть систематизированы в соответствии со своими основаниями: проблематизацией понятия субъективности, что выражается в расширении или, наоборот, сужении данного понятия, его усложнении и иерархизации; особым вниманием к специфическому пониманию эмпирической реальности; особой ролью аспекта значимости.

Изучение данных подходов может стать органичной частью исследований по истории реалистических философских систем «в духе Канта», пытающихся совместить познавательные ограничения критической философии и доступ к объективной реальности, — например, философии реалистического направления неокантианства (А. Риль, О. Кюльпе), а также поможет дополнить современные дискуссии о разных формах реализма и антиреализма в эпистемологии. Трактовка субъективности как объективной значимости позволяет прояснить взаимосвязь кантианства с неокантианской философией значимости, главным образом Баденской школы (Г. Риккерт, Э. Ласк), и с важным для феноменологии учением Э. Гуссерля об объективности как интересубъективности.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10071 «Пространство и время в британской, немецкой и русской философии XVII–XIX веков», <https://rscf.ru/project/24-78-10071/>.

Список литературы

- Асмус В. Ф. Иммануил Кант. М.: Наука, 1973.
- Введенский А. И. Учение Канта о пространстве: (Разъяснение и критика) // Богословский вестник. 1895а. Т. 2, № 6. С. 390–404 (3-я пагин.).
- Введенский А. И. Учение Канта о пространстве: (Разъяснение и критика) // Богословский вестник. 1895б. Т. 3, № 7. С. 73–102 (2-я пагин.).
- Введенский А. И., Рожин Д. О. «Великий рационалист»: Алексей Введенский о Канте в контексте русской кантианы // Кантовский сборник. 2024. Т. 43, № 1. С. 149–180. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2024-1-7>.

to objective reality, for example, the realistic trend in Neo-Kantianism (Alois Riehl, Oswald Külpe), and add to the modern discussions of various forms of realism and anti-realism in epistemology. Interpretations of subjectivity as objective validity helps to clarify the interconnection between Kantianism and the neo-Kantian philosophy of validity, mainly of the Baden school (Heinrich Rickert, Emil Lask) and with Edmund Husserl's doctrine of objectivity as inter-subjectivity, which is important for phenomenology.

The study was supported by the Russian Science Foundation, grant № 24-78-10071 “Space and Time in British, German, and Russian Philosophy of the 17th – 19th Centuries”, <https://rscf.ru/project/24-78-10071/>.

References

- Abela, P., 1996. Putnam's Internal Realism and Kant's Empirical Realism: The Case for a Divorce. *Idealistic study*, 26(1), pp. 45-56.
- Abela, P., 2002. *Kant's Empirical Realism*. New York: Oxford University Press.
- Allais, L., 2015. *Manifest Reality. Kant's Idealism and his Realism*. Oxford: Oxford University Press.
- Allison, H., 1996. *Idealism and Freedom: Essays on Kant's Theoretical and Practical Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Asmus, V.F., 1973. *Immanuel Kant [Immanuel Kant]*. Moscow: Nauka. (In Rus.)
- Brinkmann, K., 2011. *Idealism Without Limits: Hegel and the Problem of Objectivity*. Boston: Springer Netherlands.
- Chaplin, R., 2022. Kant on the Givenness of Space and Time. *European Journal of Philosophy*, 30(3), pp. 877-898. <https://doi.org/10.1111/ejop.12817>.
- Demin, M. R., 2010. The Right to Kant: On the Dispute between Adolf Trendelenburg and Kuno Fischer. In: I. N. Griftsova and N. A. Dmitrieva, eds. 2010. *Neokantianstvo nemetskoe i russkoe: mezhdru teoriei poznaniya i kritikoi kul'tury [German and Russian Neo-Kantianism: Between Theory of Cognition and Critique of Culture]*. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), pp. 66-85. (In Rus.)

Дёмин М. Р. Право на Канта: к спору Адольфа Тренделенбурга и Куно Фишера // Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры / под ред. И. Н. Грифцовой, Н. А. Дмитриевой. М. : РОССПЭН, 2010. С. 66–85.

Кант И. Метафизические начала естествознания // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 4. С. 247–372.

Кант И. Критика чистого разума // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2006. Т. 2, ч. 1.

Лега В. П. История западной философии : учеб. пособие. Ч. 2 : Новое время. Современная западная философия. М. : Изд-во ПСТГУ, 2009.

Ойзерман Т. И. Кантовская концепция пространства и времени // Кантовский сборник. 2009. Т. 29, № 1. С. 7–18.

Разеев Д. Н. Телеология И. Канта. СПб. : Наука, 2010.

Семенов В. Е. Коперниканская революция И. Канта и теория опыта // Трансцендентальный журнал. 2022. Т. 3, вып. 1–2. URL: <https://transcendental.su/S271326680020910-1-1> (дата обращения: 01.04.2025). <http://dx.doi.org/10.18254/S271326680020910-1>.

Тренделенбург А. Логические исследования. М. : Изд. А. Солдатенкова, 1868. Т. 1.

Тушинг Б. Послесловие немецких эдиторов // Кант И. Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2006. Т. 2, ч. 2. С. 509–574.

Abela P. Putnam's Internal Realism and Kant's Empirical Realism: The Case for a Divorce // *Idealistic Studies*. 1996. Vol. 26, № 1. P. 45–56.

Abela P. Kant's Empirical Realism. N.Y. : Oxford University Press, 2002.

Allais L. Manifest Reality. Kant's Idealism and his Realism. Oxford : Oxford University Press, 2015.

Allison H. Idealism and Freedom: Essays on Kant's Theoretical and Practical Philosophy. Cambridge : Cambridge University Press, 1996.

Brinkmann K. Idealism Without Limits: Hegel and the Problem of Objectivity. Boston : Springer Netherlands, 2011.

Chaplin R. Kant on the Givenness of Space and Time // *European Journal of Philosophy*. 2022. Vol. 30, № 3. P. 877–898. <https://doi.org/10.1111/ejop.12817>.

Heidemann D. Kant and the Forms of Realism // *Synthese*. 2021. Vol. 198 (Suppl 13). P. 3231–3252. <https://doi.org/10.1007/s11229-019-02502-4>.

Kılınç B. Concepts of Objectivity in Kant // *Recht und Frieden in der Philosophie Kants: Akten des X. Internationalen Kant-Kongresses* / hrsg. von V. Rohden, R. R. Terra, G. A. de Almeida, M. Ruffing. Berlin ; N.Y. : De Gruyter, 2008. P. 363–374. <https://doi.org/10.1515/9783110210347.2.363>.

Heidemann, D., 2021. Kant and the Forms of Realism. *Synthese*, 198, Suppl 13, pp. 3231-3252. <https://doi.org/10.1007/s11229-019-02502-4>.

Kant, I., 1998. *Critique of Pure Reason*. Edited by P. Guyer and A. Wood. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 2004. *Metaphysical Foundations of Natural Science*. Edited by K. Americks and D. Clark. Cambridge: Cambridge University Press.

Kılınç, B., 2008. Concepts of Objectivity in Kant. In: V. Rohden, R. R. Terra, G.A. de Almeida and M. Ruffing, eds. 2008. *Recht und Frieden in der Philosophie Kants: Akten des X. Internationalen Kant-Kongresses*. Berlin & New York: De Gruyter, pp. 363-374. <https://doi.org/10.1515/9783110210347.2.363>.

Lega, V. P., 2009. *Istoriya zapadnoi filosofii. Chast' vtoraya. Novoe vremya. Sovremennaya zapadnaya filosofiya: uchebnoe posobie* [The History of Western Philosophy. Part Two. The Modern Era. Contemporary Western Philosophy: A Textbook]. Moscow: PSTGU Press. (In Rus.)

Martić, M., 2022. *Zeit und Raum. Eine Untersuchung zur Entwicklung der Zeit- und Raumlehre bei Immanuel Kant*. Berlin & Boston: De Gruyter.

Melnick, A., 1989. *Space, Time, and Thought in Kant*. Dordrecht, Boston & London: Kluwer Academic Publishers.

Oizerman, T. I., 2009. Kantian Conception of Space and Time. *Kantian Journal*, 29(1), pp. 7-18. (In Rus.)

Razeev, D. N., 2010. *Teleologiya I. Kanta* [I. Kant's Teleology]. Saint-Petersburg: Nauka. (In Rus.)

Schrader, G., 1951. The Transcendental Ideality and Empirical Reality of Kant's Space and Time. *The Review of Metaphysics*, 4(4), pp. 507-536.

Semenov, V. E., 2022. I. Kant's Copernican Revolution and the Theory of Experience. *Studies in Transcendental Philosophy*, 3(1-2). <http://dx.doi.org/10.18254/S271326680020910-1> (Accessed 1 April 2025). (In Rus.)

Trendelenburg, A., 1862. *Logische Untersuchungen. Second Edition. Volume 1*. Leipzig: S. Hirzel.

Trendelenburg, A., 1867. Über eine Lücke in Kants Beweis von der ausschließenden Subjektivität des Raumes und Zeit. *Historische Beiträge zur Philosophie. Volume 3*. Berlin: G. Bethge, pp. 215-276.

Tuschling, B., 2006. Nachwort der deutschen Herausgeber. In: I. Kant, 2006. *Werke. Zweisprachige deutsch-russische Ausgabe. Volume 2, Part 2: Kritik der reinen Vernunft*. Moscow: Nauka, pp. 509-574. (In Rus.)

Vaihinger, H., 1922. *Kommentar zu Kants Kritik der reinen Vernunft*. Stuttgart: Union deutsche Verlagsgesellschaft.

Martić M. Zeit und Raum. Eine Untersuchung zur Entwicklung der Zeit- und Raumlehre bei Immanuel Kant. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2022.

Melnick A. Space, Time, and Thought in Kant. Dordrecht ; Boston ; L. : Kluwer Academic Publishers, 1989.

Schrader G. A. The Transcendental Ideality and Empirical Reality of Kant's Space and Time // The Review of Metaphysics. 1951. Vol. 4, № 4. P. 507–536.

Trendelenburg F. A. Über eine Lücke in Kants Beweis von der ausschließenden Subjektivität des Raumes und Zeit // Historische Beiträge zur Philosophie. Berlin : G. Bethge, 1867. Bd. 3. S. 215–276.

Vaihinger H. Kommentar zu Kants Kritik der reinen Vernunft. Stuttgart : Union deutsche Verlagsgesellschaft, 1922.

Westphal K. Kant's Transcendental Proof of Realism. Cambridge : Cambridge University Press, 2004.

Об авторе

Леонид Юрьевич **Корнилаев**, кандидат философских наук, философский факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

E-mail: kornhist@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4520-3218>

Для цитирования:

Корнилаев Л. Ю. Дискуссии о субъективности / объективности пространства и времени у Канта: основные подходы // Кантовский сборник. 2026. Т. 45, № 1. С. 59–77.

<https://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2026-1-3>

© Корнилаев Л. Ю., 2026.

Vvedensky, A. I., 1895a. Kant's Doctrine of Space (Explanation and Criticism). *Bogoslovskiy vestnik [Theological Bulletin]*, 2(6), pp 390-404. (In Rus.)

Vvedensky, A. I., 1895b. Kant's Doctrine of Space (Explanation and Criticism). *Bogoslovskiy vestnik [Theological Bulletin]*, 3(7), pp 73-102. (In Rus.)

Vvedensky, A. I. and Rozhin, D. O., 2024. "The Great Rationalist": Alexey Vvedensky on Kant in the Context of Russian Kantiana. *Kantian Journal*, 43(1), pp. 149-180. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2024-1-7>.

Westphal, K., 2004. *Kant's Transcendental Proof of Realism*. Cambridge: Cambridge University Press.

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The author

Dr Leonid Yu. **Kornilaev**, Department of Philosophy for Humanities, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

E-mail: kornhist@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4520-3218>

To cite this article:

Kornilaev L. Yu., 2026. Discussions on Subjectivity / Objectivity of Space and Time According to Kant: Main Approaches. *Kantian Journal*, 45(1), pp. 59-77.

<https://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2026-1-3>

© Kornilaev L. Yu., 2026.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))